

мантические рассуждения о том, что в башне неподалеку растет цветок, которому принадлежит сердце короля, разбиваются о прозаическое замечание Соммерса: «Не пройдет и часу, она насыт, как свинья, и издаст пердеж». Попытку Германского императора соревноваться с Уиллом в возвышенности, еще более сомнительную: «Император славен, трон его высок, кто его враги?» — справедливо парирует средневековая сентенция: «Конечно же черви, которые обглодают его скелет, хочет он того или нет». Похабно-фекальный юмор Уилла Соммерса имеет глубокие корни. В диалоге между Соломоном и Маркольфом тема испражнений является одной из ведущих:

Соломон: Когда небо затягивается облаками — быть дождю.

Маркольф: Когда собака выгибает спину, то хочет срать.

Соломон: Все тропинки ведут к одной дороге.

Маркольф: Все кишки ведут к одной какашке.

Соломон: От доброго мужа — добрая жена.

Маркольф: От отменной трапезы — отменный стул.

Соломон: Благослови справедливого, и обретешь великую награду — не от него самого, так от Господа.

Маркольф: Благослови пузо, и получишь за то великое облегчение — не из уст, так из задницы.

Особое внимание стоит обратить на разрабатываемые двумя спорящими иерархии — государственную или фекальную:

Соломон: Двенадцать харчевен — целое поместье. Маркольф: Двенадцать потуг порождают одну какашку.

Соломон: Двенадцать управителей поместий — целое графство.

Маркольф: Двенадцать какашек — целая куча дерьма. Соломон: Двенадцать графов — целое герцогство. Маркольф: Двенадцать куч дерьма — целый горшок «повидла».

Соломон: Двенадцать герцогов — целое царство. Маркольф: Двенадцать горшков повидла — целый чан «вина».

Соломон: Двенадцать царств составляют одну империю.

Маркольф: Двенадцать чанов — целый обоз нечистот.

В этом противостоянии «большого» и «низкого» симпатии читателя и слушателя, вне всяких сомнений, оказываются на стороне Маркольфа, ему приходится быть куда более изворотливым, избредая «дерьмовую» терминологию. Риторика вопросов и ответов, скорее всего, восходит к классическим образцам, в том числе к истории об Александре Македонском и индийских гимнософистах.

Знаменитый шотландец Джордж Бьюконен (1506–1582) был не столько шутом, сколько воспитателем молодого короля Якова VI Стюарта, поэтом и ученым. До сих пор рассказывают историю о том, как, отправившись в город, Джордж Бьюконен повстречал на мосту рыцаря, который встал шуту поперек дороги, обнажив меч. Бьюконен вышел из этой истории победителем и побежал просить у короля прощения, представив дело следующим образом:

«— Ну, я, самой собой, тоже вытащил меч, и мы стали сражаться.

— Так, — сказал король, сгорая от любопытства, — хорошо подрались?

— Угу!

— Я рад, что драка пришлась тебе по душе.

— Ну да я и сам себе рад, — ответил шут, — Вы прощаете, Ваше величество?

— И что же ты такого натворил?

— Как бы это сказать, я с размаху сбросил его шляпу с моста...

— Пустяки, признавайся, что ты там натворил!

— Лучше простите мне то, что я со всего размаху... А тут и шляпа — с моста.

— Конечно, Джордж, ты прощен, еще раз прощен и можешь чувствовать себя самым прощенным из всех, кто просил у меня прощения.

— Отлично, Ваше величество! А то ведь с размаху вместе со шляпой у него и голова улетела!

Простив шута за шляпу, сброшенную с моста, король уже не мог наказывать за то, что одним ударом удалось снести вместе с нею!»